



Любовь ШАШКОВА

КАЛИХАН ЫСКАК И ЕГО КАТОН-КАРАГАЙ

Пять номеров журнала «Простор» уходящего года были отданы публикации перевода на русский язык романа Калихана Искакова «Легенда о земле Беловодье», сделанного тридцать лет назад Адольфом Арцишевским, но так и не опубликованного в свое время по не зависящим от автора и переводчика причинам. И вот историческая справедливость восстановлена. О том, что значит этот роман в творчестве писателя, получившего впоследствии за него Государственную премию Казахстана имени Абая в области литературы, как дороги ему катон-карагайские места, где происходят события романа, и его герои, очень хорошо свидетельствует наша беседа с писателем. Состоялась она, когда уже шестой год с наступлением лета Калихан ага готовил семейный десант и «Серого куцего» – свою «Ниву» для дальнего броска.

Дорогу от Алматы до Катон-Карагая семидесятидвухлетний писатель одолевает с одной ночевкой. Как говорит он сам, «в июне я оттуда снега выгоняю, а в октябре меня снега гонят». И не гостем, не праздным наблюдателем приезжает писатель в родные края, а человеком, помогающим решать многие насущные проблемы жизни земляков.

Но сначала – о самом писателе. Калихан Ыскак слывет в казахской литературе тонким стилистом и в то же время мастером интригующей фабулы. Сатимжан Санбаев, переведший на русский язык его повести, отмечает живописность и плотность языка этой прозы и сравнивает его письмо с «ковром искусных мастериц, который иглой не проткнешь». Высоко оцениваются переводы Калихана Искакова на казахский язык третьего тома «Войны и мира» Льва Толстого, произведений Тургенева, Чехова, Куприна, а также однотомника Ивана Бунина, над которым, по его признанию, работал с особым удовольствием.

Не только в романе «Легенда о земле Беловодье», во всей прозе Калихана Искакова главным героем выступает горный, таежный Катон-Карагай. «Никто еще не живописал так колоритно и вместе с тем тонко алтайскую

землю: приметливо, с любовью, без патетики, а на полутонах, по-сыновни искренне. Алтайские горы, леса, реки, вся родная земля и живущие на ней люди воспринимаются писателем как единое целое. Все эти люди близки ему, они его земляки – будь то казахи, обитающие в затерянном лесном краю среди гор, или русские, в основном кержаки, когда-то пришедшие в суровые края в надежде сохранить свою веру и привычный уклад жизни...», – пишет Сатимжан Санбаев. Вот с этой особенности жизни Катон-Карагая, отразившейся в прозе писателя, и начался наш разговор с Калиханом Искаковым.

Кержацкая изба

– У нас в районе есть старинная кержацкая деревня с названием Печи. Откуда такое название? Я думаю, оно зафиксировало одну интересную историческую подробность. Русские переселенцы появились в тех краях приблизительно в 1730 году, и стычки у них с местным населением за землю, конечно, были жестокие. Но у тюрков есть древний обычай: они не сгоняют с земли людей, поставивших на ней свой очаг. Кержаки это дело смекнули и быстро начали обзаводиться печами. Так кержаки обосновались в Катон-Карагае. Они жили на той стороне реки Бухтармы, казахи на этой. Кержак, кстати, и есть по-казахски – «та сторона».

Кержаки Катон-Карагае прекрасно владеют казахским языком, и антагонизма у них с местным населением нет. Но и смешанных браков нет, и кержаки не хотят, и казахи тоже: вероисповедание не позволяет. Кержаки научили казахов заниматься земледелием, строить добротные дома, а сами у казахов получали шкуры, шерсть, занимались пимокатаньем. И до сего дня сохраняют свой кержацкий диалект, в котором много от древнеславянского языка. Я, кстати, в своих произведениях оставляю их диалоги на этом диалекте.

– **Прямо в контексте казахского языка?**

– Да. Иначе образ русского человека теряет одну из главных своих красок – речь. Особая статья кержацкого быта – это крестовая изба: четыре комнаты, а в середине русская печь. Ты русскую печь видела?

– **У нас в Беларуси дача – тоже рубленая хата с русской печью – с лежанкой, полатями, в печи мама блины, пироги печет, грибы сушит. Только вот мастера не найдет отремонтировать.**

– В кержацкой избе, сколько бы градусов мороза зимой не было, всегда тепло. Можно два раза в неделю топить. Потому что рубится она из лиственницы, а лиственница ни жару, ни холод не пропускает.

– **И Вы себе такую кержацкую избу поставили?**

– На свои сбережения, и братья помогли. Пять лет мы ее строили. До пояса, как и положено, лиственница, выше – пихта, она звуконепроницаемая. Дом ставят как? Лес заготавливают в определенное время, перед зимой, когда дерево соки в землю спустило. Весной кору счищают, рубят дом, потом его разбирают, и дерево на два года опускают под воду. Потом снова собирают дом, и он еще два года должен на сквозняке стоять. Вот тогда лиственница обретает такую крепость, что ее ни пила, ни топор не берут. Все корабли Петра Первого из алтайской лиственницы строились. Фундаменты Венеции – из алтайской лиственницы, никакой камень такой влаги уже давно не выдержал бы. Плот из лиственницы не гоняют – тонет.

Кержаки – искусные плотники, из дерева такие бирюльки на избы делают – прямо загляденье. Кроме того, они первейшие пчеловоды. Раньше у нас целый совхоз был, который пчеловодством занимался. На пасеках

и сейчас одни кержаки работают. Такого меда нигде нет. Они майский мед отдельно собирают, июньский отдельно, июльский, осенний мед – тоже отдельно. Потому что качество, оказывается, совсем другое. В бывшем Советском Союзе котировался и шел за границу башкирский мед. Вся республика его производила. Полезный коэффициент там 8%, а у нашего катон-карагайского – 17%, но один район не может экспорт обеспечить.

А вот где казахи и кержаки вместе работают – это мараловодство, главное, чем славится наш Катон-Карагай. Наверное, слышала о настойке из пантокринина? Есть у нас завод, который этот бальзам делает. Но совсем другое качество у кержаков. Рецепт его молодые сами даже не знают. На весь район один человек Соколов им владеет, а попасть к нему – 62 километра от трассы в глубинку ехать. И не потому, что скрывают рецепт. Нет. Это очень трудно, выверить состав: мед, маралья кровь, женшень, маралий корень, золотой корень, красный корень – из них сотворить надо это питье. Так что хозяйство у нас в основном маралы и лошади, крупный рогатый скот и баранов мало держат, только для себя. Нерентабельно это – коровам сено надо заготовливать, а баранья шерсть вся остается на колючках кустарников. Там же лес, тайга. А маралы сами кормятся, и лошади сами пасутся, на тебеневке.

– **Даже зимой?**

– Если всю зиму лошадь держать в стойле, она худеет, истощается, у нее спина дугой выгибается. Совсем другое дело на воле, у справной лошади спина что престол. Шесть летних месяцев алтайская лошадь готовится к зиме, нагуливает жир. Отсюда у нее совсем другое мясо, наша базарная конина не идет ни в какое сравнение.

– **Наша тоже вкусная.**

– Ну, это кто другой не знает.

Народ накормит бизнес

– **И как называется Ваш родной аул, где стоит Ваша кержацкая изба? Он большой?**

– Наш аул называется Топкаин – «Березовая роща», в нем до 300 дворов, и живет в нем род шонмурыны из племени Каратай. Как только передеешь на пароме через реку, сразу видишь на камнях надпись: «Қаратай еліне қош келісізі!» – «Приветствуем вас на земле каратайской!». Все казахи Катон-Карагая – это одно племя. Все они считают себя родственниками, раньше старики аксакалы не давали жениться до 7 колена. Сейчас уж, наверное, 17 поколений сменилось, а разрешения нет – хранят генофонд. Поэт Сакен Иманасов, побывав у нас, сказал: оказывается, каратаевцы отдельная нация. Кстати сказать, могила батыра Каратая сохранилась в Джезказганской степи, где он погиб в битве с джунгарами, нам удалось с помощью писателя Камела Джунусова ее отыскать. Два года назад, в свое семидесятилетие, я ездил туда на поклон.

– **Вы хотите сказать, что мазар сохранился?**

– Да, так и стоит мазар с 18 века, особая у него глина – с примесью конского волоса, на кобыльем молоке, еще с кое-какими добавками, получается очень прочный состав.

– **А сколько километров от промышленного Усть-Каменогорска до вашего благословенного Катон-Карагая?**

– 500 километров. С дорогами, конечно, как и везде, плохо, но их уже начали усиленно строить. Сейчас собираются в бывшем райцентре восста-

новить аэродром, будут летать самолеты. Из-за дальности района, например, углем у нас не топят – дорого, да и раньше не топили, а пользовались дровами. Делают санитарные вырубки в тайге и заготавливают дрова.

– Калихан ага, Вы, конечно, извините, но какая-то идиллия у Вас получается. Санитарные вырубки... когда только и слышишь, что бесконтрольно вырубается или бесхозно горит лес под Усть-Каменогорском, Семипалатинском. Неужели Катон-Карагай без потерь вышел из «критического десятилетия»? Как удалось сохранить там порядок?

– Катон-Карагайский район граничит с одной стороны с Россией, с другой – с Монголией, с третьей – с Китаем. Получается такой карман, в котором лежит край с совершенно уникальными природными условиями, единственной в своем роде флорой и фауной. В смутные времена перестройки, после объединения района с соседним Большенарымским, не стало никакого контроля, воцарился хаос, начали, действительно, грабить тайгу, отстреливать занесенных в Красную книгу животных. Нужно было искать пути спасения уникальной природы Катон-Карагай. Несколько лет ушло на то, чтобы правительство приняло решение о создании Государственного национального природного парка Катон-Карагай. Так что не прозу я писал в те годы – сочинял петиции и прошения. К делу подключились истинные патриоты, государственно мыслящие люди – Аскар Кабанбаев, который много сделал для родного района, будучи депутатом Мажилиса, а также инициатор и руководитель многих экологических проектов, в том числе международных, – Талгат Кертешев. Сейчас Катон-Карагай зарегистрирован в Международном центре природных парков в Берлине, его охрана находится под эгидой ЮНЕСКО. Ежегодно на изучение его уникальной природы выделяется 2 миллиона 800 тысяч евро, 180 миллионов тенге на развитие парка выделило в прошлом году правительство Казахстана, в этом году еще больше. Сейчас в национальном парке под руководством директора Ерена Жумагулова работает более пятисот человек. Учитывая еще и всемирный интерес к археологическим раскопкам в Берели, думаю, со временем здесь будет туристический центр. Принято называть Алтай второй Швейцарией, но я склонен разделить мнение специалистов из международного центра, обследовавшего Катон-Карагай: по сравнению с Алтаем Швейцария – нарядная кукла. Здесь от последнего до первого снега цветут цветы. Люди, побывавшие во всех уголках мира, признаются, что такой красоты нигде не видели. А знаешь значение названия – «Катон-Карагай»?

– Ну, поскольку есть там слова «кар», «кара» – значит, что-то большое, темное, например, тайга...

– Здесь этимология слова ничего не даст, да и искаженное оно уже, а означает – родной край, Отечество. Есть у меня заветная мечта – вернуть районный центр в Катон-Карагай. И не только потому, что там всемирно известный заповедник. Есть к тому веские экономические и социальные предпосылки. Народу надо облегчить жизнь. Ведь за каждой справкой за полтыщи километров не наездишься.

– А как живут Ваши земляки, помимо тех, что работают в заповеднике, развиваются ли крестьянские хозяйства?

– Что я скажу тебе? Люди живут в достатке, гораздо лучше, чем при советской власти. За последние годы я убедился в одном: народ кормит не президент, не правительство, не парламент. Народ кормит только бизнес. Сейчас у нас есть четыре дельных хозяйственника – Темирбек Исабаев, генеральный директор Катон-Карагайской автодорожной корпорации, руководители крестьянских хозяйств Токтасын Калибеков и Толкун Раисов,

и уже упоминаемый мной Аскар Кабанбаев, генеральный директор акционерного общества «Аксу». Они не только обеспечивают работой местное население, они буквально помогают возродиться, подняться району. За три месяца построили школу. Государство выделило на нее 12 миллионов, а потрачено 60, безвозмездно наши бизнесмены вложили. Клуб строят, мечеть строят, культурные мероприятия организуют бесплатно. Сейчас у Темирбека Исабаева работает четыре асфальтовых завода, и занято на строительстве дорог около полутысячи человек. А будут дороги – оживится жизнь. Они планируют построить мотель, автозаправочную станцию, медпункт. У них собственная программа развития района без оглядки на государство.

– Но таким людям государство и должно помогать – льготными кредитами, снижением налогов, тендерами.

– Да, мне порой страшно за моих ребят-родственников. Я говорю им: у вас все деньги в обороте, в банке нет ни копейки. Вы думаете о будущем? Говорят: нам надо думать о будущем производства, надо поднять настроение людей, чтобы они получили работу, увидели деньги. Потому что те, у кого личные фермерские хозяйства, денег на самом деле не видят. 6, 10, 20 гектаров земли, которые имеют фермеры – как их обработать, что на них вырастить? Ее даже в банк под залог не берут. А пшеницу вручную не будешь сеять и косить, комбайн на такие площади не пустишь, да и где его взять? К тому же закупщики специально не идут в такие хозяйства, чтобы по весне скупить подгнивший хлеб за бесценок для спиртзаводов. А держать зерно фермеру в элеваторе дороже самого зерна. Кстати говоря, когда из бюджета были выделены деньги для помощи селу по трехгодичной программе, наши фермеры не получили ни копейки.

– Так, может, надо объединяться в кооперативы, чтобы обрабатывать землю вместе, да и закупщикам противостоять, на ценообразование влиять, в государственных программах участвовать?

– Мне кажется, люди придут к этому, объединятся в крупные крестьянские хозяйства. Но пока проснувшийся в них частный собственник заставляет держаться за свою землю до последнего, хоть и не получая от нее прибыли. И у тех, кто держит скот, те же проблемы. Но что меня беспокоит? Хоть при советской власти жили хуже, но был действующий трудовой кодекс, люди имели законный отпуск, а сейчас работают по 12 месяцев в году, по 12 часов в сутки. И страшная духовная нищета – нет радио, газеты выписывают только те, у кого есть деньги – учителя и пенсионеры, на телевидении две программы – и те российские. Хотя, что сегодня могут дать телевидение и газеты? Ну, хотя бы новости послушать. А библиотеки нет, клуб пока тоже не работает, никакие творческие коллективы из города не приезжают. Жизнь, конечно, понемножку налаживается, но надо, чтобы правительственные программы поддержки села реально действовали в отдаленных районах.

Польза многоженства

– Калихан-ага, Вы со своей верной спутницей Даметкен Акбаровной, с которой, как я знаю, по осени отметите золотую свадьбу, ежегодно совершаете такой дальний переход. Замечаете ли Вы изменение жизни по пути вашего следования – Талды-Курган, Аягуз, Семипалатинск, Усть-Каменогорск?

– Еще пять лет назад самое сложное для меня было проехать Семипалатинск, хотя одолевал тогда я все расстояние без остановок. Страшная

разруха была кругом – ни скота, ни людей. Сейчас эти степные районы постепенно оживают. Земля есть, земли не скуплены, туда держать скот из Алматы не приедут. Живут люди неплохо. Большое значение имело то, что Семипалатинскую область присоединили к Восточному Казахстану.

– Но народ, помнится, возмущался, что область была образована не с центром в Семипалатинске – там древняя земля казахов, родина Абая.

– Они не понимали суть дела. Мы говорим: нефть, нефть, а Восточный Казахстан дважды превышает по рентабельности нефтяные районы. Уран, цветной металл, золото, свинец... За счет Восточного Казахстана поднялась бывшая Семипалатинская область, люди, в течение пяти лет не получавшие зарплат, пенсий, пособий, наконец их получили. Но есть здесь еще и такой нюанс: в Семипалатинске народ привык говорить о том, что они пострадали от полигона, что им положены компенсации, и постепенно перестали работать. А сейчас они начали работать. Без твоего вклада государство никого не будет кормить.

– Мы говорим о богатстве и красоте Восточного Казахстана. А ведь Усть-Каменогорск признан одним из самых экологически загрязненных городов мира. Люди в нем просто задыхаются от выбросов этих сверхприбыльных производств.

– Уже года два-три всерьез занялись экологией города, стали строить очистные сооружения, так что вредные выбросы должны уменьшиться. Наши просто не умели пользоваться заграничными технологиями, не так смонтировали, не так построили, вот они и не действовали. На недавнем заседании правительства отчитывался министр охраны окружающей среды Нурлан Искаков, отмечено, что от внедрения новых технологий выбросы сернистого газа на «Казцинке» уменьшились на 48%. И другие предприятия модернизируются, потому что загрязненность, действительно, крайняя.

– Получается, что Виктор Вячеславович Храпунов кое-что успел сделать в Усть-Каменогорске?

– Ну, он же местный, из села Глубокого. Должен болеть за свой край. Но слишком быстро забрали его в министры ЧС. Хотя он успел дать мне квартиру в окраинном районе, куда смог не доходит. Велел приватизировать, обставить. Если бы всё так и вышло, может, не пришлось бы нам ежегодно делать такие броски. Но вот беда, дом крупнопанельный, к тому же квартира на пятом этаже, и в крайнем нашем подъезде дом дал трещину. Кому есть куда выслаться – выселились. А мы пока так и зависли – третий год в аварийном состоянии. Видимо, отнесу я в этом году документы новому акиму Карибжанову, пусть забирают эту квартиру, толку от нее всё равно нет.

– Калихан-ага, хоть Вы говорите, что в последние годы ничего художественного не писали, помимо перевода однотомника Бунина, но сегодня Вы выезжаете из города, где в театре им. Ауэзова с успехом идет Ваша премьера – пьеса «Казахи». Какие заветные казахские воззрения Вы хотели в ней высказать?

– Пьеса «Казахи» – это 15 век, 1456 год, когда образовалось первое казахское государство. У него была возможность пойти по пути исламского государства и жить по закону Шариата. Но наши предки, хан Жанибек и султан Керей, выбрали светское государство и стали жить по законоуложению «Жеті Жарғы». Из-за этого разразилась 36-летняя война.

Зато сейчас ваххабизм не грозит независимому Казахстану, он у нас не приживается. Историки говорят, что «Жеті Жарғы» составили Тауке-хан и три бия, на самом деле оно пришло от Чингиз-хана еще в тринадцатом веке.

– И какие уложения «Жеті Жарғы» Вам бы хотелось напомнить согражданам?

– Это очень строгий закон. Например, касающийся отношений отца и сына. Если сын нарушил волю отца, он останется без наследства, пойдет наемником, не сможет жениться, заплатить калым. То есть станет бедным. Второй раз ослушался – станет изгоем, его выгонят аксакалы, и он нигде не найдет пристанища. И будет под постоянным общественным прищотром. Третий раз преступит закон – его привяжут к хвосту коня, а род его покидает свою территорию, и отныне не будет иметь права избираться и избирать. То есть весь род из-за одного человека становится изгоем. И это давало свои результаты. Представь, если в губернии, которая тогда вмещала нынешние Павлодарскую, Семипалатинскую и Восточно-Казахстанскую области, совершалось убийство, это рассматривалось чрезвычайным съездом. А у нас под давлением международных организаций объявлен мораторий на смертную казнь. Зачем нам это копирование западных демократий?

– Преступление должно нести за собой наказание, должен быть страх поплатиться за содеянное – своей жизнью, да?

– Есть люди, которые не могут не убивать, какая польза от таких людей, кроме вреда? Обществу надо избавляться от них, а не тащить за собою из века в век. Очень мудрые в «Жеті Жарғы» уложения о сохранении своего рода, генофонда. Например, о положении вдовы, которая может уйти в другой род, но только без детей. Потому что дети неминуемо становились там бесправными: сын останется без наследства, дочь будет бесприданницей. Но, оставшись в роду умершего мужа, выйдя замуж за его родственников, вдова сохраняла права своих детей.

– А вот одно время у нас даже в парламенте велись разговоры вокруг закона о многоженстве. Как он толковался в древности?

– Мужчина имел право брать трех жен, но не одновременно. Сначала молодой мужчина берет себе двадцатилетнюю жену, она рождает ему детей, но к сорока годам ее организм устает. В сорок лет он должен жениться снова на двадцатилетней, а потом так же и в шестьдесят лет, если он способен отделить каждую жену с наследством, нести за них духовную и материальную ответственность. В этом была большая мудрость. Казахи всю жизнь воевали. Им надо было восстанавливать людские потери и сохранять чистоту генофонда. Конечно, женщина может родить и пятнадцать детей, пять из них – будущее нации, а остальные – это уже слабые, болезненные дети. От слабых рождаются слабые, – ослабляется род. Таким образом и женщины не оставались одиноки, и дети рано привыкали к самостоятельности, не сидели на шее у родителей.

– Но каково это – двадцатилетней выходить за шестидесятилетнего... Да и мужчины сейчас настроены на одновременное многоженство: одна жена в Алматы, другая в Астане...

– Вся красота и мудрость жизни, Люба, открывается к возрасту Пророка. И хорошо, что открывается...

Постскриптум. Калихана Искакова, лауреата Государственной премии РК, в 2008 году выдвигавшегося на звание народного писателя Казахстана, не стало в 2014 году. Овдовела Даметкен, застоялся в гараже «Серый куцый», не дождалась своего хозяина кержацкая изба в Катон-Карагае. Казахская литература потеряла одного из лучших своих стилистов, так ловко умевшего приправить речь острым, соленым, народным словцом.